

В. В. Марчук

О ЛОГИЧЕСКОМ ОСНОВАНИИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Введение. Идентификацией признается логическая операция, представляющая собой интеллектуальную процедуру по установлению тождества какого-либо объекта на основе тех или иных признаков [1, с. 189]. В юриспруденции решение вопросов идентификационного характера имеет свою специфику в силу особенностей и природы правовых категорий. В уголовном праве идентификация находит свое проявление в процессе, который принято называть квалификацией преступлений. В уголовно-правовой литературе уже давно отмечено, что квалификация преступлений представляет собой процесс, который протекает по логическим правилам и законам. В обобщенном виде логическая сущность квалификации (идентификации) преступлений выражается в том, что лицо, ведущее уголовный процесс, в каждом случае должно установить, элементом какого класса уголовно-противоправных деяний является конкретный поступок человека.

В логическом механизме идентификации преступлений научный интерес представляет определение понятия и сущности логического основания квалификации преступлений. В общей теории права этот вопрос исследуется в рамках общетеоретической проблемы конструирования и применения правовых норм. Данная проблема была предметом исследования в научных работах С. С. Алексеева [2], В. К. Бабаева [3], В. М. Баранова [4], Д. А. Керимова [5], В. М. Сырых [6], Б. В. Дрейшева [7], Н. И. Матузова [8] и других авторов. В уголовном праве вопрос о логическом основании рассматривается в основном в контексте применения уголовно-правовой нормы. Этому вопросу уделялось значительное внимание в рамках теории квалификации преступлений В. Н. Кудрявцевым [9, 10, 11], А. С. Новиченко [12] А. В. Наумовым [13], Б. А. Кожемякиным [14], В. Е. Жеребкиным [15], Ю. Ю. Соковых [16], А. А. Старченко [17], А. А. Толкаченко [18, с. 52–62], А. В. Корнеевой [19, с. 20–22] и другими учеными. Но в XXI в. вектор уголовно-правовых исследований переориентировался на изучение логических проблем конструирования уголовно-правовых норм [20, 21, 22].

В доктрине уголовного права Республики Беларусь вопросу о логических основаниях конструирования и применения уголовно-правовых норм не уделялось достаточного внимания. Обычно этот вопрос рассматривается в ракурсе логической корректности конструирования отдельно взятых уголовно-правовых норм либо какого-то института или категории уголовного права (множественность преступлений, соучастие и др.). Вместе с тем, следует отметить, что в Республике Беларусь предпринимались и осуществляются попытки решения указанных вопросов с позиции системного подхода. В начале 90-х гг. XX в. С. И. Тишкевич попытался сформулировать логически взаимосвязанную структуру уголовно-правовых норм, подчинив их задачам квалификации преступлений [23]. В последних научных изысканиях Н. А. Бабя показаны многие логические противоречия в законодательных конструкциях некоторых уголовно-правовых норм [24, 25].

Основная часть. Некоторые авторы логическим основанием квалификации преступлений называют уголовно-правовую норму [13, с. 69]. С точки зрения структуры уголовно-правовой нормы такое утверждение выглядит не совсем корректным. Отдельной структурной частью уголовно-правовой нормы является санкция, которая по своему функциональному предназначению имеет отношение к иному этапу реализации уголовно-правовой нормы.

С позиции категориального логического аппарата первичным основанием в процессе идентификации преступления является суждение. Как верно отметил В. Н. Кудрявцев это суждение дано законодателем и заключено в содержании нормы [11, с. 51]. Мы придерживаемся трехчленной структуры уголовно-правовой нормы [26] и считаем, что это суждение сформулировано законодателем в гипотезе уголовно-правовой нормы. Нормативные предписания, содержащиеся в статьях УК и определяющие условия применения нормы, представляют собой ничто иное, как общеутвердительное суждение. При идентификации преступления в логической структуре категорического силлогизма эти нормы-суждения выполняют функцию большей посылки. И в этом смысле уголовно-правовая норма должна адекватно отражать необходимость уголовно-правовой охраны, что, несомненно, связано с основаниями и поводами криминализации.

В общей теории права нормы-суждения некоторые авторы рассматривают в плоскости истинности или ложности правовых норм. Известный исследователь проблем истинности правовых норм В. К. Ба-

баев отмечал, что истинная норма права должна, во-первых, правильно отражать состояние регулируемых ею общественных отношений и, во-вторых, давать правильную юридическую оценку этим отношениям. Если же законодатель в силу ненаучности подхода, поспешности и иных обстоятельств, подвергает юридической регламентации общественные отношения, не созревшие для правового регулирования, или даст им неправильную оценку, то эту норму следует считать ложной [3, с. 163–164].

Не все авторы разделяют позицию о том, что нормы права должны обладать свойством истинности. Есть высказывание о том, что логические построения, применяемые к нормам права, выходят за пределы «царства истины» [27, с. 41]. Этот подход является достаточно спорным. В гипотезе уголовно-правовой нормы описывается юридический факт, подлежащий идентификации. Это вполне соответствует понятию суждения. В традиционной логике суждение определяется как форма мышления, с помощью которой выражается присущность либо неприсущность признака предмету (или классу предметов) и которая может быть охарактеризована с точки зрения истинности или ложности [28, с. 64; 29, с. 104]. В этом смысле все истинные правовые нормы должны соответствовать объективной социальной действительности. Д. А. Керимов по этому поводу совершенно справедливо отметил: «Правовая возможность реальна в том случае, если она соответствует социальной действительности. Отрыв от факторов действительности, пренебрежение ее развитием, непонимание взаимосвязей и отношений правовой жизни превращает правовую возможность в фикцию, лишенную объективного содержания. Такая формальная правовая возможность по существу есть невозможность, поскольку она, как правило, не осуществляется» [5, с. 15]. На необходимость учета законодателем объективной реальности при формулировании правовых норм обращали внимание и другие ученые [6, с. 62; 7, с. 31; 8, с. 24; 30, с. 132].

Общетеоретические исследования относительно истинности и ложности норм-суждений имеют непосредственное отношение к логической обоснованности конструкций уголовно-правовых норм. Если введение в УК нормы, определяющей соответствующее поведение преступным, будет входить в противоречие с социальными условиями жизни общества, то такую норму нельзя признавать истинной. Более того, непонимание социальных взаимосвязей и отсутствие прогноза в социальных последствиях установления уголовно-правового запрета

может вызвать достаточно серьезные негативные последствия в системе общественных отношений. История уголовного законодательства имеет немало таких примеров. Так, во исполнение постановления ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. «О запрещении аборт» в УК БССР 1928 г. была введена ст. 217², которая устанавливала ответственность за производство беременными женщинами аборта без надлежащего разрешения. Запрещение абортов под страхом уголовного наказания привело к росту числа криминальных абортов и в конечном итоге к увеличению женской и детской смертности. Такого рода норма была не просто ложной, но и социально вредной.

К сожалению, и в действующем УК Республики Беларусь имеются нормы, которые вызывают сомнения в логической состоятельности правовых установлений при их законодательном конструировании. Например, 18 июля 2007 г. ст. 425 УК была дополнена новой альтернативной формой преступного бездействия должностного лица: умышленное вопреки интересам службы неисполнение должностным лицом действий, которые оно должно было и могло совершить в силу возложенных на него служебных обязанностей, повлекшее невыполнение показателей, достижение которых являлось условием оказания государственной поддержки [31]. Основные положения, регламентирующие порядок оказания государственной поддержки юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, закреплены в Указе Президента Республики Беларусь от 28 марта 2006 г. № 182 [32]. Установление уголовной ответственности за указанный вариант поведения должностного лица порождает достаточно серьезные вопросы на предмет логической корректности изложения нормативного суждения. В данном случае предикат суждения не обозначает четко криминообразующее свойство соответствующего поведения. Логический анализ предложенной законодательной конструкции показывает, что неисполнение должностным лицом требуемых от него действий свидетельствует о том, что при этом варианте бездействия соответствующие показатели не были достигнуты в силу причины (причин), негативное воздействие которой должностное лицо не предотвратило. К таким причинам могут относиться обстоятельства объективного характера, на которые должностное лицо не в силах повлиять (напр., вверенной должностному лицу организации доводится показатель по темпам роста объемов производства товара, который не имеет достаточного экономического обоснования). Кроме того, любая хозяйственная деятельность предполагает финансовые и коммерческие рис-

ки, которые допускают потенциальные отклонения фактического объема производства от ожидаемого показателя. Поэтому при идентификации такого рода бездействия должностного лица юридическую значимость приобретает установление наличия у должностного лица реальной возможности повлиять в конкретных экономических условиях на сложившуюся ситуацию в сфере соответствующей хозяйственной деятельности. Проблема доказывания в этом случае усложняется еще и тем, что до настоящего времени теория уголовного права не предоставила следственной и судебной практике однозначного и универсального объяснения детерминирующего влияния бездействия на общественно опасный результат. Последние теоретические исследования не привнесли ничего определяющего в обоснование причинной связи при совершении путем бездействия преступления, связанного с наступлением последствия [33, с. 189–219].

Нарушение правил логики при конструировании данной нормы создает дезориентирующие предпосылки для органов, ведущих уголовный процесс, порождает опасность проявления избирательного подхода в применении ст. 425 УК. В практике это привело к тому, что должностные лица вынуждены прибегать к излишним перестраховкам при исполнении своих служебных полномочий, что в конечном итоге негативно сказывается на правах граждан, общественных и государственных интересах.

Анализ статей Особенной части УК Республики Беларусь позволяет констатировать, что ложность нормативных суждений может проявляться в различных вариантах.

Уголовно-правовая норма может не соответствовать социальной действительности, если она направлена на охрану фактически еще не существующих отношений. Например, в главе 25 УК «Преступления против порядка осуществления экономической деятельности» есть ряд статей, наличие которых закономерно в условиях рыночной экономики (незаконный выпуск (эмиссия) ценных бумаг (ст. 226), нарушение антимонопольного законодательства (ст. 244) и др.). Однако судебная статистика показывает, что эти статьи не применяются. Есть основания полагать, что бездействие этих статей является результатом несоответствия уголовной политики, закрепленной в некоторых статьях главы 25 УК, реальному положению дел в экономике.

Ложность некоторых норм обусловлена дефектами законотворческого процесса. Пороки законотворческого процесса выражаются либо в неправильном выборе предмета уголовно-правового регулирования

ния, либо – в законодательной технике конструирования уголовно-правовой нормы. Первая проблема по своей сути является гносеологической и предполагает правильное выделение законодателем тех отношений, которые могут быть подвергнуты уголовно-правовому регулированию. В аспекте криминализации из всех вариантов девиантного поведения законодатель должен «вычленять» те деяния, которые представляют собой существенную общественную опасность. К сожалению, в Особенной части действующего УК Беларуси есть статьи, порождающие вопросы на предмет их соответствия социальной действительности. Например, Законом Республики Беларусь от 15 декабря 2005 г. № 71-3 в УК была включена ст. 193¹, в которой установлена ответственность за незаконную организацию деятельности общественного объединения, религиозной организации или фонда либо участие в их деятельности. Содержание этой нормы и многочисленные исключения, предусмотренные в примечаниях к ст. 193¹, ставят под сомнение логическую состоятельность предложенной законодательной конструкции. Кроме того, представляется, что защита объекта правовой охраны в данном случае могла бы быть обеспечена иными правовыми средствами.

Законодательная практика показала, что нормативные суждения, содержащиеся в уголовно-правовой норме, могут стать ложными вследствие небрежной и бессистемной кодификации иной отрасли законодательства. Наглядно это можно показать на примере сопоставления положений ст. 24.11 нового КоАП Республики Беларусь и ст. 412 УК Республики Беларусь. В статье 24.11 КоАП предусмотрена административная ответственность за передачу любым способом лицам, содержащимся в следственных изоляторах или иных местах лишения свободы, запрещенных для передачи предметов и веществ. Но действующая редакция ст. 412 УК предусматривает уголовную ответственность за более широкий круг деяний. Во-первых, в ст. 412 УК предусмотрена ответственность не только за передачу запрещенных предметов или веществ, но и за передачу «предметов или веществ, хранение и использование которых ограничено, сверх разрешенного количества». Во-вторых, соответствующие предметы или вещества, могут быть переданы и лицу, содержащемуся в арестном доме. В соответствии со ст. 63 и ст. 64 УИК Республики Беларусь арестный дом не относится к местам лишения свободы. В-третьих, в ст. 412 УК предусмотрена ответственность не только за передачу, но и за получение соответствующих предметов или веществ с целью их выноса за пре-

дела следственного изолятора, исправительного учреждения или арестного дома. В статье 412 УК административная преюдиция предусмотрена в качестве необходимого условия уголовной ответственности. На этом основании логически обоснованным будет вывод о том, что ст. 412 УК может быть применена в настоящее время только в случае повторной передачи запрещенных предметов или веществ лицу, содержащемуся в следственном изоляторе или ином месте лишения свободы. Все остальные уголовно-правовые понятия, указанные в гипотезе ст. 412 УК, с позиции логики стали нулевыми понятиями.

Ложность нормативного суждения может быть вызвана неудачной конструкцией нормы. Так, в ст. 232 УК предусмотрена ответственность за преступление, связанное с наступлением последствия: причинением ущерба в крупном размере. Но в большинстве случаев при воспрепятствовании законной предпринимательской деятельности вред носит не имущественный, а социальный и психологический характер: лицо не может реализовать своего права на занятие предпринимательской деятельностью (например, при неправомерном отказе в регистрации лица в качестве индивидуального предпринимателя). Такого рода законодательное суждение не соответствует действительности и, следовательно, не обеспечивает защиту права граждан на занятие предпринимательской деятельностью.

Законодательное суждение может стать ложным при наличии в уголовно-правовой норме (нормах) противоречивых уголовно-правовых понятий. Как правило, это происходит при наличии такого явления, которое в уголовной политике называют «криминализационной избыточностью». Основание для такого вывода дает, например, появление в УК ст. 226², установившей ответственность за незаконные действия с простыми и (или) переводными векселями [34]. Статья 226² УК состоит из четырех частей. В трех из них предусмотрена ответственность за самостоятельные преступления. Установление уголовной ответственности за незаконные действия в сфере обращения векселей при наличии общих норм, охватывающих многие варианты таких злоупотреблений, и достаточно слабой финансовой активности на фондовом рынке Республики Беларусь порождает вопросы не только в контексте криминализационных оснований и поводов этих преступлений, но и логической обоснованности предложенных законодательных конструкций. Так, в части 1 ст. 226² УК предусмотрена ответственность, в частности, за выдачу, индоссирование, авалирование простых и (или) переводных векселей в крупном размере, подпи-

саннных лицами, не способными обязываться по ним, либо от имени таких лиц. В рамках данного законодательного суждения не совсем понятно кто может быть признан субъектом этого преступления: кто является «лицом, не способным обязываться по векселю»? В статье 7 Женевской Конвенции от 7 июня 1930 г., устанавливающей единообразный закон о переводном и простом векселе [35], и ст. 7 Закона Республики Беларусь от 13 декабря 1999 г. № 341-З «Об обращении переводных и простых векселей» [36], употребляется термин «лицо, не способное обязываться по переводному векселю». Но сущность этого термина в указанных нормативных документах не разъясняется. Вместе с тем, в ч. 2 ст. 226² УК предусмотрена ответственность, в частности, за «подписание простого и (или) переводного векселя, в том числе при индоссаменте, авале, акцепте, или добавочного листа (аллонжа) от имени вымышленного лица или такое их подписание, при котором поставленная подпись по любому иному основанию не может обязывать лицо, поставившее ее, или лицо, от имени которого данная подпись поставлена». Подписание является удостоверяющим актом, подтверждающим факт, например, выдачи соответствующего векселя. В этом смысле возникает вопрос о том, по ч. 1 или ч. 2 ст. 226² УК следует привлекать к ответственности лицо, не способное обязываться по векселю? В логике при наличии противоречивых понятий применяется закон исключения третьего. Но применение этого логического закона означает, что одно из сопоставляемых суждений является ложным [37, с. 140; 38, с. 87; 39, с. 116].

На логическое содержание законодательных суждений существенное влияние оказывают правовые понятия, из которых оно состоит. Авторская позиция относительно требований к терминологии уголовного закона была изложена ранее [40].

Заключение. Вышеизложенное позволяет каталогизировать на уровне выводов следующие положения:

1. В логическом аспекте квалификация преступлений представляет собой формально-логическую процедуру идентификации.

2. Логическим основанием квалификации (идентификации) преступлений следует признавать законодательное суждение, содержащееся в гипотезе уголовно-правовой нормы.

3. Норма-суждение, выполняя в логической структуре категорического силлогизма функцию большей посылки, должна адекватно отражать необходимость уголовно-правовой охраны и соответствовать объективной социальной действительности. Законодательная

технология конструирования норм Уголовного кодекса должна строго осуществляться на основе логических правил изложения суждений.

4. Анализ действующих статей Особенной части УК Республики Беларусь позволяет констатировать, что несоответствие нормативных суждений социальной действительности (ложность нормы) может проявляться в следующих альтернативных вариантах: уголовно-правовая норма направлена на охрану фактически еще не существующей системы отношений; норма введена в действие при ошибочном выборе предмета уголовно-правового регулирования; имеет место нарушение логической структуры законодательного суждения при его формулировании; логическое содержание нормы искажается вследствие упущений, допущенных при кодификации иной отрасли законодательства; наличие в нормах противоречивых уголовно-правовых понятий.

5. Наличие в УК ложных норм дезориентирует органы, ведущие уголовный процесс, и создает предпосылки для неправильной квалификации преступлений. Это порождает необходимость проведения мониторинга по выявлению норм, не соответствующих объективной социальной действительности, и принятия соответствующих законодательных решений на предмет приведения к логическому соответствию системы уголовно-правовых норм.

Список использованных источников

1. *Кондаков, Н. И.* Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. – М.: Наука, 1975. – 717 с.
2. *Алексеев, С. С.* Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. – М.: Статут, 1999. – 709 с.
3. *Бабаев, В. К.* Советское право как логическая система: учеб. пособие / В. К. Бабаев. – М.: Академия МВД СССР, 1978. – 212 с.
4. *Баранов, В. М.* Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики / В. М. Баранов. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1989. – 397 с.
5. *Керимов, Д. А.* Категории действительности и возможности в праве / Д. А. Керимов // Советское государство и право. – 1968. – № 8. – С. 13–21.
6. *Сырых, В. М.* Законотворчество как вид социального проектирования / В. М. Сырых // Журнал российского права. – 1997. – № 3. – С. 61–65.
7. *Дрейшев, Б. В.* Проблема обеспечения качества закона / Б. В. Дрейшев // Правоведение. – 1988. – № 4. – С. 29–33.
8. *Матузов, Н. И.* Возможность и действительность в правовой сфере / Н. И. Матузов // Правоведение. – 2000. – № 3. – С. 16–30.

9. *Кудрявцев, В. Н.* Теоретические основы квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – М.: Госюриздат, 1963. – 324 с.

10. *Кудрявцев, В. Н.* Эвристические приемы при квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев // Правовая кибернетика. – М., 1970. – С. 69–84.

11. *Кудрявцев, В. Н.* Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2004. – 304 с.

12. *Новиченко, А. С.* Логико-методологические основы квалификации преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А. С. Новиченко; Моск. гос. ун-т. – М., 1977. – 21 с.

13. *Наумов, А. В.* Законы логики при квалификации преступлений / А. В. Наумов, А. С. Новиченко. – М.: Юрид. лит., 1978. – 104 с.

14. *Кожемякин, Б. А.* Логические основы квалификации преступлений / Б. А. Кожемякин, А. А. Тер-Акопов. – М.: Госюриздат, 1987. – 111 с.

15. *Жеребкин, В. Е.* Логическая структура состава преступления / В. Е. Жеребкин. – Харьков, 1974. – 28 с.

16. *Соковых, Ю. Ю.* Информационные основы квалификации преступлений: учеб. пособие / Ю. Ю. Соковых. – М.: Статут, 1996. – 200 с.

17. *Старченко, А. А.* Логика в судебном исследовании / А. А. Старченко. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1958. – 176 с.

18. *Толкаченко, А. А.* Теоретические основы квалификации преступлений / А. А. Толкаченко. – М.: Закон и право, 2004. – 128 с.

19. *Корнеева, А. В.* Теоретические основы квалификации преступлений: учеб. пособие / А. В. Корнеева. – М.: ТК Велби, 2006. – 176 с.

20. *Щепельков, В. Ф.* Уголовный закон как формально-логическая система: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / В. Ф. Щепельков; Ин-т. гос. и права РАН. – М., 2003. – 43 с.

21. *Щепельков, В. Ф.* Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты / В. Ф. Щепельков. – М.: ТК Велби, 2003. – 416 с.

22. *Бойко, А. И.* Системная среда уголовного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / А. И. Бойко; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2008. – 49 с.

23. *Тишкевич, С. И.* Единая теория уголовного нормотворчества и квалификации преступлений: Основные концептуальные положения. Теоретическая модель уголовного кодекса суверенной Республики Беларусь / С. И. Тишкевич. – Минск: АМ МВД РБ, 1992. – 181 с.

24. *Бабий, Н. А.* Теоретические основы криминализации и квалификации составных насильственных преступлений / Н. А. Бабий // Судовы веснік. – 2005. – № 1. – С. 50–53.

25. *Бабий, Н. А.* О необходимости соблюдения принципа системности построения уголовного закона // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. Вып. 2(22) / Ин-т суд. экспертизы; редкол. А. В. Дулов (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Изд-во «Право и экономика», 2007. – С. 7–15.

26. *Марчук, В. В.* Структура уголовно-правовой нормы / В. В. Марчук // Право и демократия: сб. науч. тр. Вып. 17 / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2006. – С. 162–175.

27. *Ивин, А. А.* Логика норм / А. А. Ивин. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – 122 с.

28. *Кириллов, В. И.* Логика: учебник / В. И. Кириллов, А. А. Старченко. – М.: Юристъ, 1996. – 256 с.

29. *Курбатов, В. И.* Логика для юристов: учеб. пособие / В. И. Курбатов. – М.: «Дашков и К», 2006. – 480 с.

30. *Кузнецова, О. А.* Пороки правовой нормы: «диагностика» и предупреждение / О. А. Кузнецова // Журнал российского права. – 2005. – № 3. – С. 127–133.

31. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Беларусь по вопросу усиления ответственности за преступления, связанные с коррупцией: Закон Респ. Беларусь от 18 июля 2007 г. № 264-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – № 173. – 2/1361.

32. О совершенствовании правового регулирования порядка оказания государственной поддержки юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям: Указ Президента Респ. Беларусь, 28 марта 2006 г., № 182; в ред. указов Президента Респ. Беларусь от 4 авг. 2006 г. № 496, от 29 января 2007 г. № 52, от 7 января 2007 г. № 266 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000; [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр». – Минск, 2008.

33. *Малинин, В. Б.* Причинная связь в уголовном праве / В. Б. Малинин. – СПб: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2000. – 316 с.

34. О внесении дополнений и изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам вексельного обращения: Закон Респ. Беларусь от 27 июня 2007 г. № 246-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – № 160. – 2/1343.

35. Единообразный закон о переводном и простом векселе: Конвенция от 7 июня 1930 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000; [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр». – Минск, 2008.

36. Об обращении переводных и простых векселей: Закон Респ. Беларусь от 13 декабря 1999 г. № 341-3; в ред. Закона Респ. Беларусь от 22.12.2005 № 76-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2000. – № 2. – 2/116; 2006. – № 6. – 2/1173.

37. *Андреев, И. Д.* Проблемы логики и методология познания / И. Д. Андреев. – М.: Наука, 1972. – 320 с.

38. *Никифоров, А. Л.* Логика / А. Л. Никифоров. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2001. – 224 с.

39. *Малыхина, Г. И.* Логика: учеб. пособие / Г. И. Малыхина. – 4-е изд., испр. – Минск: Выш. школа, 2007. – 240 с.

40. *Марчук, В. В.* Терминология уголовного закона и квалификация преступлений / В. В. Марчук // Право и демократия: сб. науч. тр. / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2007. – Вып. 18 – С. 224–238.